

© 2003 г.

Ю. В. ФЕДОТОВА

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ КРИЗИСА СЕМЬИ

ФЕДОТОВА Юлия Вячеславовна - аспирантка Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

За последние десять лет и в научной социологической литературе, и в массовой популярной печати термин "кризис семьи" буквально прорвался в употребление и образует своеобразный стереотип восприятия современных семейных проблем. Порой этот термин используется в качестве некоторой аксиомы, используемой для обозначения исходного пункта понимания общей ситуации в данной сфере, и трактуется как кризис социального института, системы ценностей фамилизма (семья перестает быть ценностью для людей, исчезают мотивы, побуждающие их

вступать в брак и заводить детей) [1]. Сюда добавляются такие негативные явления как подъем уровня разводимости, распространение идеала однодетной семьи, невыполнение семьей своих функций, ослабление родственных связей, а также распространение различных девиантных форм семейного поведения. В этом кризисе, в частности, видится первопричина российской демографии.

Между тем, на наш взгляд, заслуживает рассмотрения вопрос о том, какие представления скрываются за этой аксиоматикой. Этот вопрос отнюдь не праздный, он связан с формированием социологического подхода к изучению семьи, выработкой соответствующих исследовательских программ. Современная семья - наиболее приватная сфера социокультурной реальности и здесь, как нигде, проявляются последствия так называемой индивидуализации жизненных стилей, увеличивающейся вариативности ее модели. Все это вряд ли можно оценить с точки зрения какого-то нормативистского масштаба. Наличие же указанных кризисных атрибутов в реальности нуждается в социологическом доказательстве. Существуют исследования, результаты которых делают подобные диагнозы проблематичными [2] (нельзя безапелляционно утверждать - семья перестает быть ценностью).

Наиболее подробно понимание кризиса современной семьи изложено у Антонова А.И., Медкова В.М. и др. Краеугольный камень этой позиции составляет положение о существовании двух научных парадигм, имеющих мировоззренческий смысл, - "либерально-прогрессивистской", или эволюционной, и "консервативно-кризисной". Смысл первой парадигмы заключен в убеждении, что на обломках старой традиционалистской семьи возникают новые альтернативные структуры семьи, а второй - в предупреждении возможности исчезновения семейного образа жизни и в необходимости укрепления семейных основ бытия [3], объяснении его дисфункций и патологии.

Вторая парадигма явно содержит два момента: во-первых, определенную оценку исторического процесса, приведшего к изменению семьи и некий идеал семейного бытия; во-вторых, рассмотрение семьи как социального института в русле парсонских идей. История уже предложила вариант семейной целостности, самосохраняющейся, противостоящей воздействиям извне - традиционалистскую (патриархальную) модель семьи. Крестьянскую по преимуществу. Для нее характерны родственно-семейный принцип организации жизни; "перевес ценности родства над максимизацией выгод индивида", над экономическими целями индивида; естественность домохозяйства в качестве основы семейной жизни; социокультурная заданность семейных ролей, принцип семейного "Мы" в отношении с внешним окружением; семьецентризм в противовес эгоцентризму; многодетность в противовес малодетности; семейный авторитет в социализации детей [4]. Вряд ли в связи с этим возможно выставление требований возвращения в прошлое, скорее идеал традиционализма призван использоваться в качестве некоторой шкалы оценок происходящих изменений в семье, поиска социокультурных констант семейной жизни. Таким образом, можно заключить о выдвигании нормативистского подхода.

Россия переживает кризис "фамилистической цивилизации", считают А.И. Антонов и В.М. Медков, усматривая корень кризиса в семейной аномии - нарушении семейного равновесия, распаде семейных связей, ценностных ориентаций [4, с. 137]. Социокультурная тенденция индивидуализации жизни, отмечаемая на протяжении нескольких столетий, описывается как конфликт между личностью и обществом, скрываемый *иллюзией* роста самосознания личности, увеличения экологической, политической, демографической и т.п. сознательности, которая призвана расширить на основе свободы выбора зону личных решений и ответственности во благо общества. "Эмансипация личности от семьи и нуклеаризация самой семьи, разъединение семейных поколений, массовость малодетной семьи и ее несостоятельность в такой социализации потомства, когда оно готово мотивироваться к действиям, отвечающим нуждам общества, потому, что оно прежде в семье мотивируется подчинять эгоцентрические интересы семейным, - все это привело в XX в. в промышленно развитых странах к устранению семейного влияния, посредничества семьи в противостоянии личности и общества" [4, с. 94].

Посредничество семьи понимается институционально. Так, являясь базисной институциональной подсистемой общества, семья призвана, как утверждал Т. Парсонс, "увязывать органическую систему с человеческой деятельностью" [5]. Невыполнение семьей своих функций (репродуктивной и социализационной) свидетельствует о глубокой институциональной дисфункции. Наблюдаются и структурные изменения в семье - различные составляющие (брак, родительство, дети, домохозяйство) как бы приобретают самостоятельное значение. Принципиально новые модели семьи выступают, с этой точки зрения, остатками деградации расширенной семьи, которые указывают на отмирании семьи вообще, а не только "традиционной семьи" [6].

Подобный пессимистический, скажем так, алармистский взгляд не исключает иных трактовок кризиса семьи. Например, Свадьбина Т.В. склонна употреблять несколько смягченное выражение "точка бифуркации" и полагает, что нужно определить, в каких параметрах семьи - как социального института, малой группы, формы социальной общности или экономической ячейки общества - наблюдается ее кризис. В какой ипостаси возможна модернизация ее форм? Например, Свадьбина Т.В. считает, что в отечественном семействе преобладает трактовка семьи как исключительно нравственно-психологического союза, с одной стороны, и девальвация институционального взгляда на семью как социальное явление, с другой [7]. Она полагает, что кризис семьи связан с крахом семейной экономики, с разделением работы и дома, и выход видит в перспективе развития постиндустриальной цивилизации в версии О. Тоффлера, восстанавливающей статус малого семейного бизнеса. Только на этой основе возможны преодоление кризисных явлений семьи как социального института и малой группы.

Институциональной парадигме противостоит ценностная концепция моделей семьи, которая выше обозначена как эволюционная. В отечественных исследованиях известны работы СИ. Голода еще в начале 80-х годов XX в., в которых в духе М. Вебера предлагалось в современном обществе рассматривать реалии трех идеальных типов моногамии - патриархального, детоцентристского и супружеского [8]. Сегодня можно констатировать, что эта гипотеза нашла сторонников, а не только критиков, и очевидное признание множественности идеальных типов семей, фактический плюрализм их моделей.

В общекультурном плане меняются ценностные приоритеты, возвышается ценность человеческой жизни, происходит движение от публичности к приватности, самореализация личности обретает ценностно-целевой характер. В результате социальных сдвигов, экономической и гражданской эмансипации женщин тенденции, сопровождающие индивидуализацию мужчин (расширение избирательности в семейно-брачном поведении, рост внутренней ответственности за семью и автономии от социальных общностей), распространяются на женщин. Многообразные стратегии "ненасильственной" социализации детей опираются на воспитание их самостоятельности, умения разрешить жизненные проблемы, трудности межличностного общения. Естественно, все это предполагает достаточно высокий уровень морально-нравственного развития индивидов, а без этого не исключены издержки и в отношениях между супругами, и с детьми. Супружеский тип семьи с этой точки зрения выступает во всей сложности, хрупкости; очевидным становится, что ее создание и сохранение нельзя уподоблять неким шаблонам, заранее запрограммированным действиям, а потому простым и ясным. Кризисные тенденции как раз и связаны с переходом от патриархальных стандартов к новым ценностным ориентирам.

На наш взгляд, выдвигание концепции ценностных типов семьи обладает плодотворностью в осмыслении современных проблем семьи. Вместе с тем обращение с данной концепцией будет корректным, если не забывать, что мы имеем дело с определенной научной конструкцией, идеально-типической, которая, подобно художественному образу, не имеет непосредственного аналога в действительности. Назначение этого познавательного инструмента в ином - в обнаружении близости реального объекта к тому или иному типу, анализе соответствующих практик, коллизий и конфликтов, выявлении возможных тенденций изменения в конкретных социокультурных условиях.

Близки к этой концепции ценностных моделей семьи тендерные исследования, в которых рассматривается нормативистский институциональный анализ, а статусно-ролевые семейные отношения рассматриваются в изменениях, модификациях под влиянием различных практик [9]. Вариативность семейных стилей во многом выступает продуктом стихийной адаптации к изменяющимся экономическим обстоятельствам и выработки стратегий разными группами, так или иначе реализующими свои жизненные ценности.

Феномен многообразия моделей семьи и зарубежными, и отечественными исследователями связывается с глубокими социальными изменениями, имеющими глобальные и национальные характеристики и выражающимися в смене ценностных парадигм. Традиционная парадигма, доминировавшая после Второй мировой войны, заменяется инновационной парадигмой, лично ориентированной, децентрализованной, направленной на саморазвитие и автономию личности в вопросах выбора стратегии поведения [10]. Естественно, это изменение сводит к ценностно-нормативному произволу, анонии было бы крайне необоснованно. Речь идет о замене жестко регулирующей роли традиции, внешнего авторитета, института ответственностью и возможностями рациональности личности в определении целей, ориентиров, идеалов своей жизни. Вариативность, плюрализм типов семей отражает повсеместно происходящий процесс размывания стандартной системы семейно-брачных поведенческих норм, содержания семейных ролей, но вместе с тем индивид приучается самостоятельно выбирать для себя рамки бытия, вы-

работанные культурой, отделять ценное, выработанное и проверенное культурой от имитации, поддельного, в конечном счете разрушительного.

Вместе с тем применительно к тематике кризиса семьи очевидна перспективность сближения различных подходов, прежде всего ценностного и институционального. Возможности в этом направлении подсказывает история социологии в России. Имеется в виду позиция П. Сорокина, который еще в 1916 г. писал о семье (как общественном установлении), которая "переживает острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока в общих чертах" [11]. На основе статистического материала он показал, что союз мужа и жены, союз родителей и детей и союз родственников и свойственников ослабевает. Ослабление супружеской связи демонстрируют растущий процент разводов, уменьшение числа браков, рост внебрачного союза, проституции, падение рождаемости детей, освобождение женщин из-под опеки мужа и изменение их взаимоотношений, уничтожение религиозной основы брака, все более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством. Падение неограниченной родительской власти над детьми делает их равноправными с отцами личностями. Все эти институциональные изменения связываются им со степенью плотности населения, развитием крупных городов и промышленных центров, ростом свободы личности, фактом эмансипации женщин, падением старых религиозных верований. "Семья, - пишет он, - как бы тает и рассасывается, распадаясь на части, теряя одну за другой свои связи и свои функции..." [12]. Но этот процесс есть и освобождение "личности из пеленок семейного права" и будущая семья, по его мнению, склеится свободным соглашением, вызванным "действительной любовью симпатией и взаимным уважением одних к другим".

Этот ценностный аспект кризиса семьи осмысливался им позднее в контексте трактовки кризиса культуры западного общества, характерной чертой которой являются своеобразный перекося творческой деятельности в пользу Правды и Красоты - открытий, изобретений, творчества в области эмпирических наук и мирской красоты, искусств, и отставание сферы Добра, регресс в моральном отношении. Новое здание принципиально иной культуры, в его терминологии идейной или идеалистической (интегральной), еще не построено и человечество как бы зависло в этом переходном, промежуточном состоянии, чреватом войнами, революциями, мятежами, преступлениями, моральной анархией. Причем, под явлением культуры он понимал "нематериальный компонент" "смысла" (как идея, ценность, моральная норма), положенный на физический и/или жизненный компоненты [13]. В работе "Моя философия - интегрализм" он констатировал подтверждение своего диагноза-прогноза. В рамках столетий старой культуры человек оставался мягко говоря неизменным, таким же "эгоистичным и в такой же степени подвластным биологическим силам "борьбы за существование", секса, погони за наслаждениями, материальными ценностями" [13, с. 137]. Нарушение равновесия в высшем триединстве величайших ценностей (Правды, Красоты, Добра) привело к "взрыву индивидуального и группового индивидуализма, а также к усилению и ужесточению межличностных и межгрупповых конфликтов", кровавым катастрофам XX в.

Выход он видел в увеличении производства и аккумуляции неэгоистической любви к человеку и человечеству (добра), только так можно остановить моральную деградацию человека до уровня "усложненного человеческого животного, оправдывающего с помощью напыщенных идеологий наихудшие из своих действий", человека, потерянного "в дебрях дезинтегрированного чувственного мира и общества". Вместе с тем он признавал, что об этой любви мы знаем мало и в качестве ее проявлений и указаний на нее называл следующее: любовь - это сердце и душа свободы и всех основных моральных и религиозных ценностей, это сильное противоядие против тенденций преступности, патологии самоубийств, против ненависти, страха, психоневрозов, она продлевает жизнь, животворит физическое, духовное и нравственное здоровье; дети, лишённые любви, имеют тенденцию к моральному и социальному уродству. И сравнивая различные группы людей, в том числе дружеские, религиозные, касты и т.д., он отдавал предпочтение в производстве любви семье как особой организации, в которой только и могут новые поколения людей воспринимать в процессе детского воспитания дух любви, ее особую атмосферу взаимности, бескорыстности, жертвенности и потом уже во взрослом возрасте искать и стремиться воспроизвести этот дух [14].

В идеях П. Сорокина выражено современное понимание семьи как величайшей культурной ценности. В наши дни общекультурное значение представляет вопрос, как связать индивидуализм, вменяемый обыденной жизнью, с первоначальной для человека ценностью межиндивидуального единения, индивидуализм и коммунитарность. И здесь, вероятно, предстоит огромная моральная работа во всех сферах жизни, но, возможно, в сфере семейных отношений она окажется наиболее важной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медкова М.В.* Семьи "звезд" шоу-бизнеса // Социол. исслед. 2002. № 1. С. 131.
2. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социол. исслед. 1996. № 3; *Груко Т.А.* Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социол. исслед. 1997. № 1; *ее же.* Вариативность представлений в сфере родительства // Там же. 2000. № 11. С. 99; *Бодрова В.В.* Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Там же. 2002. № 6; *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Там же. 2003. № 7.
3. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996. С. 54; *Антонов А.И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М., 1998. С. 5; *его же.* Два взгляда на одну проблему // Семья в России. 1999. № 1-2. С. 34.
4. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. С. 105-108.
5. *Parsons T.* Action Theory and the Human condition. N.Y., 1978. P. 427.
6. *Антонов А.И.* Современная семья: два взгляда на одну проблему // Семья в России. 1999. № 1-2. С. 34. - с. 30-40.
7. *Свадьбина Т.В.* Семья и российское общество в поиске обновления. Нижний Новгород, 2000. С. 74.
8. См.: *Голод СИ., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб., 1994. С. 4; *Голод СИ.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
9. См.: *Здравомылова Е.А., Темкина А.А.* Социология тендерных отношений и тендерный подход в социологии // Социол. исслед. 2000. № 11; *Темкина А.А., Поткирх А.* Советские тендерные контракты и их трансформация в современной России // Там же. 2002. № 11.
10. См. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. М., 1998. С. 262, 304.
11. *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 2. С. 174.
12. Там же. 1916. №3. С. 162.
13. *Сорокин П.* Моя философия - интегрализм // Социол. исслед. 1992. № 2. С. 135.
14. См.: *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 148-149.